

43894, каналізацыяй – 29328, цэнтральным ацяпленнем – 15780, цэнтральнае газавае забеспячэнне адсутнічала [10, арк.1]. Згодна дадзеным вынікаў перапісаў жыллёвага фонду, што знаходзіўся ў прыватным карыстанні грамадзян, на 1 студзеня 1950 г. было 6099 пабудов з жылой плошчай 158333 квадратных метраў [7, арк. 11]. Такім чынам, за першую пасляваенную пяцігодку не атрымалася дасягнуць даваенных паказчыкаў, аднак назіралася тэндэнцыя да паскарэння жыллёвага будаўніцтва.

Заклучэнне. Адным з асноўных накірункаў пасляваеннай палітыкі адраджэння з’яўлялася аднаўленне жыллёвага фонду г. Віцебска. На дзень вызвалення горад быў амаль поўнасцю зруйнаваны, засталася 7% ад даваенных паказчыкаў жыллёвага фонду. Пры расхэні жыллёвага пытання ў другой палове 1940-х гг. можна заўважыць шэраг праблем з недахопам працоўных рук, будаўнічых матэрыялаў, тэхнікі і інш. Аднак, нягледзячы на тое, што жыллёвая праблема стаяла вельмі востра, назіралася станоўчая тэндэнцыя да паступовага росту жыллёвага фонду.

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 2784. Воп. 1. Спр. 84.
2. ДАВВ. – Ф. 2207. Воп. 1. Спр. 12.
3. ДАВВ. – Ф. 2207. Воп. 2. Спр. 1.
4. ДАВВ. – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 152.
5. ДАВВ. – Ф. 2207. Воп. 1. Спр. 4.
6. ДАВВ. – Ф. 322. Воп. 3. Спр. 22.
7. ДАВВ. – Ф. 2895. Воп. 1. Спр. 17.
8. ДАВВ. – Ф. 2207. Воп. 2. Спр. 4.
9. ДАВВ. – Ф. 2207. Воп. 2. Спр. 5.
10. ДАВВ. – Ф. 2895. Воп. 1. Спр. 16.

БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРУССКОЙ МИССИИ БРУНО КВЕРФУРТСКОГО

Сердюк Б.В.,

*аспирант РИВШ, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Мартынюк А.В., доктор ист. наук*

Ключевые слова. Христианство латинского обряда, Бруно Кверфуртский.
Keywords. Christianity of the Latin Rite, Bruno of Querfurt.

Процесс христианизации белорусских земель в рамках восточной традиции, формирование епархиальной структуры и развитие культуры православного населения белорусских земель в X–XIV веках имеют давнюю традицию изучения в отечественной и зарубежной историографии. Что касается начала знакомства жителей белорусских земель с христианством латинского обряда и начала межконфессионального взаимодействия, то данная проблематика на сегодняшний день представлена в историографии в значительно меньшей степени.

Цель исследования – обратиться к фигуре латинского миссионера Бруно Кверфуртского и проследить связь его последнего миссионерского путешествия с белорусскими землями.

Материал и методы. Особую важность для исследователя последнего миссионерского путешествия Бруно Кверфуртского представляют следующие материалы. Заметка в хронике Титмара Мерзебургского, родственника и соученика Бруно по магдебургской школе [6, р. 188–189]. Запись в Кведлинбургских анналах, появившаяся вскоре после канонизации святого, но не ранее 1020 г. [4, р. 80]. Агиографическая заметка в хронике Адемара Шабанского [3, с. 86–89]. «Житие св. Ромуальда» – агиографическое произведение, повествующее о жизни видного идеолога монашеской реформы. Составлено учеником св. Ромуальда знаменитым богословом Западной церкви Петром Дамиани в 1026–1030 гг. На страницах «Жития» имеется агиографическая вставка о подвигах другого выдающегося ученика преподобного – миссионера Бонифация (монашеское имя Бруно Кверфуртского), записанное со слов некоего престарелого инок [1, с. 90–92]. «Записка Виберта», называющего себя бывшим капелланом Бруно Кверфуртского – оригинальный,

но наиболее сомнительный источник из аутентичных агиографических материалов XI века [3, с. 351–352, 355]. Анализ данных источников будет предпринят в настоящей статье с целью выявления взаимосвязи прусского миссионерского путешествия архиепископа Бруно с Белорусскими землями.

Результаты и их обсуждение. Бруно Кверфуртский, знаменитый миссионер и святой мученик, почитаемый в Западной христианской традиции, родился около 974–979 гг. в семье графов кверфуртских. Желание посвятить свою жизнь служению Богу и церкви побудило Бруно оставить придворную жизнь и поселиться в греко-римском монастыре свв. Алексия и Бонифация на Авентинском холме, где он принял монашеский постриг с именем Бонифаций в честь небесного покровителя обители.

Примерно в 1003 г. Бруно получил от папы Сильвестра II уникальный и неоднозначный с точки зрения канонического права титул «*archiepiscopus gentium*», который может быть переведен как «архиепископ язычников» либо «архиепископ народов». Так Бруно стал миссионерским архиепископом, не имеющим определенного диоцеза, и обладающим довольно широкими полномочиями, вплоть до единоличного рукоположения епископов [1, с. 61; 3, с. 354].

Пять последующих лет миссионер провел в странствиях по землям Центральной и Восточной Европы. После проповеди среди венгерских язычников, в 1008 г. архиепископ прибыл на древнерусские земли. Киев стал для Бруно отправной точкой в его миссии в земли печенегов. Детальное описание обстоятельств этой поездки Бруно оставил в своем письме германскому королю Генриху II [1, с. 57–62]. В современной науке нет консенсуса относительно того, где было написано это письмо. Ряд исследователей указывает, что письмо было составлено в Польше сразу после возвращения Бруно из Киева. Однако в распоряжении историков не имеется никаких данных о поездке архиепископа в Польшу, и поэтому в недавних исследованиях отмечается, что письмо было, вероятно, составлено в Киеве, непосредственно после завершения печенежской миссии и перед отправлением к балтским язычникам [5, s. 75].

Данный документ является весьма ценным свидетельством современника об эпохе и личности киевского князя Владимира Святославича, оказавшего покровительство латинскому миссионеру в его предприятии. Несмотря на опасения и предостережения со стороны Владимира, печенежская миссия Бруно оказалась относительно удачной. Ему удалось обратить в христианство тридцать знатных печенежских предводителей, установить перемирие между Русью и печенегами и даже основать печенежскую епархию, назначив ее главой одного из своих спутников.

В заключительной части своего письма Бруно сообщает, что отправляется с проповедью в прусские земли. В лексиконе средневекового миссионера «пруссy» – довольно неопределенный собирательный термин, поэтому исследователям остается только сожалеть, что миссионер не сообщил королю Генриху II подробностей своих намерений в землях балтских языческих племен [2, с. 80].

Хроника Титмара Мерзебургского сообщает, что это путешествие стало последним для миссионера. Согласно Титмару, проповедь Бруно с самого начала вызвала неприятие у прусских язычников. Вместе с восемнадцатью своими спутниками он был обезглавлен на где-то границе прусских земель и Руси [6, р. 188–189].

Заметка в Кведлинбургских анналах уточняет место кончины миссионера: «на границе Литвы и Руси» («*In confinio Rusciae et Lituae*») [4, р. 80]. Здесь впервые на страницах источников появляется слово *Litwa*. Современный российский исследователь А. С. Кибинь отмечает, что это балтское название представлено в хронике в славянском звучании. В западных источниках Литва до XII века не упоминается, в то время как в древнерусских текстах данный этноним встречается уже в XI веке. В связи с этим А. С. Кибинь высказал предположение, что первоначальным источником информации о мученичестве Бруно стали северо-западные пограничные земли Древней Руси [2, 73–74]. Данную мысль можно развить, предположив, что эта пограничная область могла стать и первоначальным местом почитания мученика. Ведь неслучайно Петр Дамиани вскоре по-

сле кончины Бруно-Бонифация пишет, что святой мученик является небесным покровителем Русской церкви [2, с. 76].

Итак, Петр Дамиани сообщает, что миссионер погиб на территории Руси. Хроника Титмара и Кведлинбургские анналы говорят о русско-балтийском и русско-литовском пограничье соответственно. К сожалению, в распоряжении современной науки нет данных, позволяющих с уверенностью установить место смерти миссионера. В историографии попытки локализации этих событий, в основном ограничены регионом Понеманье (совр. Гродненская обл.), на периферии владений туровского князя Святополка Владимировича [2, с. 78–79, 85].

А. К. Кибинь отмечает, что, направляясь из Киева к прусским язычникам, Бруно не имел четкой миссионерской программы в этом регионе, о чем косвенно свидетельствует пространная фраза «в земли пруссов» в его письме к Генриху II. Исследователь полагает, что именно Святополк мог повлиять на выбор архиепископом конкретного места для начала миссии [2, с. 87]. Туровский князь был непосредственно заинтересован в христианизации периферии княжества к северу от Припяти для упрочения в ней своего влияния. Бруно же с свою очередь мог рассматривать туровскую епископию как как удобную отправную точку для дальнейшей миссии в Понеманье – важном стратегическом пограничном регионе между Русью, Польшей, Литвой и ятвягами.

В источниках имеется противоречие относительно последующей судьбы мощей мученика. В хронике Титмара Мерзебургского присутствует запись о том, что спустя некоторое время после кончины миссионера его тело выкупил польский князь Болеслав Храбрый [6, р. 189]. Однако хроника Адемара Шабанского сообщает, что мощи мученика «выкупил народ Руси». Мощи, согласно Адемару хранились в русском храме и просияли многими чудесами [1, с. 86]. Виберт также сообщает, что местные жители воздвигли храм в честь святого мученика [3, 351–351]. Петр Дамиани уточняет что этом храм построили русские [1, с. 92]. В историографии отмечается, что подобные противоречия часто возникают при агиографической переработке устной традиции [2, с. 76–77].

По сообщению Титмара, туровский князь Святополк был зятем и близким союзником Болеслава, а проживавший в это время в Турове земляк Бруно епископ Рейнберн являлся официальным представителем польского князя. Выскажем предположение, которое позволит устранить противоречие источников: по просьбе Болеслава выкупить мощи мученика у воинственных соседей могли люди туровского князя, сподвижшего миссионера на проповедь в Понеманье.

В историографии отмечается, что уже в XI столетии в Польше полностью забывают о судьбе миссионера, а культ св. Бруно сохранялся лишь на родине мученика, откуда вновь пришел в Речь Посполитую лишь в XVI в. Это связывают с тем, что мощи святого, хранившиеся в храме одного из городов русско-польского пограничья (вероятно в Берестье) были утеряны во время братоубийственной смуты Владимировичей, либо русско-польских столкновений 1030-х гг. [2, с. 88–89].

Заключение. Миссионерское путешествие к пруссам привело знаменитого латинского проповедника Бруно на белорусские земли. Определить конкретное место для начала миссии, вероятно, помог миссионеру туровский князь Святополк Владимирович. Туровская епископия была удобной отправной точкой для дальнейшей миссии в Понеманье. Жизненный путь миссионера завершился на пограничье Литвы и Руси. Бруно погиб от рук язычников на периферии владений туровского князя, который, по просьбе своего тестя и союзника Болеслава выкупил мощи мученика. Вероятно, мощи святого почитались местными христианами и хранились в Берестье. Они были утеряны во время военных столкновений в первой половине XI века. Таким образом, история миссионерских путешествий архиепископа Бруно Бверфуртского, давно привлекающая внимание отечественных и зарубежных исследователей, имеет отношение и к истории средневековых Белорусских земель.

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 4 : Западно-европейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко, – 512 с.

2. Кибинь, А. С. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X-XIII веках / А. С. Кибинь. – М. : Квадрига, 2014. – 272 с.
3. Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. / А. В. Назаренко. - М. : Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
4. Annales Quedlinburgenses / Ed. G. H. Pertz. – Hannover : Impensis Bibliopolii Hahnianl, 1839. – 920 p.
5. Sosnowski, M. Kilka uwag o chronologii życia i twórczości Brunona z Kwerfurtu / M. Sosnowski // Roczniki Historyczne. LXXXII. – Poznan, 2016. – S. 63–78.
6. Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon / Ed. F. Kurze. – Hannover : Impensis Bibliopolii Hahnianl, 1889. – 293 p.

ЖЕНСКИЙ УЧЕНИЧЕСКИЙ КОНТИНГЕНТ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР (1945–1955)

Талалуева К.И.,

аспирант БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Макаревич В.С., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Женщины, среднее специальное образование, государственные трудовые резервы, феменизация учебных специальностей.

Keywords. Women, specialized secondary education, state labor reserves, femenization of educational specialties.

В условиях цифровой трансформации, которая предполагает изменение профессиональной структуры занятости, особую актуальность приобретает изучение советского опыта подготовки женских кадров по новым специальностям, их распределение в системе образования.

Цель исследования – проанализировать массив статистических данных, позволяющий выявить предпочтения женщин в вопросах получения квалификации, и исследовать мотивацию девушек при выборе той или иной ступени обучения.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе исследования материалов отечественной историографии, источников Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Минской области. Методологической базой стал историко-генетический, структурный метод, системный анализ.

Результаты и их обсуждение. После завершения Великой Отечественной войны в БССР начали интенсивно восстанавливать сеть образовательных учреждений. Государство остро нуждалось в специалистах высшей и средней квалификации. Во всех отраслях экономики существовала острая проблема дефицита квалифицированных рабочих и служащих. Так, к началу 1945 г. удельный вес учителей, не имеющих даже среднего образования, составлял 31,7%, среди учителей начальных школ – 45,1%, учителей неполных средних школ – 25,8%, учителей средних школ – 12,6% [1, л. 881]. В сферах промышленности, сельского хозяйства, транспорта и других секторах также преобладали практики. Так, к 1 января 1948 г. отрасли народного хозяйства были укомплектованы инженерами на 59 %, техниками – на 55%. Особенно нуждались в специалистах лесная, легкая, мясо-молочная, местная промышленность, а также жилищно-гражданское строительство [2, л. 55].

В период с 1945 по 1955 гг. белорусская образовательная сеть расширилась: количество средних специальных учебных заведений – с 94 до 122, учебных заведений системы трудовых резервов с 72 до 92. Количество обучающихся в системе среднего специального образования возросло за указанный период в 2,1 раза, в системе трудовых резервов – в 1,7 раза [3, с. 172, 176].

Наибольшая доля женщин-учащихся в техникумах и других учреждениях среднего специального образования (далее – ССО) приходилась на первые послевоенные годы с последующей тенденцией к их сокращению: в 1946/1947 уч. г. – 72%, в 1951/1952 уч. г. – 66%, в 1954/1955 уч. г. – 59%. В абсолютных цифрах к 1955 г. на очном отделении техникумов и других средних специальных учебных заведений обучалось 25 880 чел. (рассчитано по: [4, л. 9; 5, л. 3; 6, л. 6].